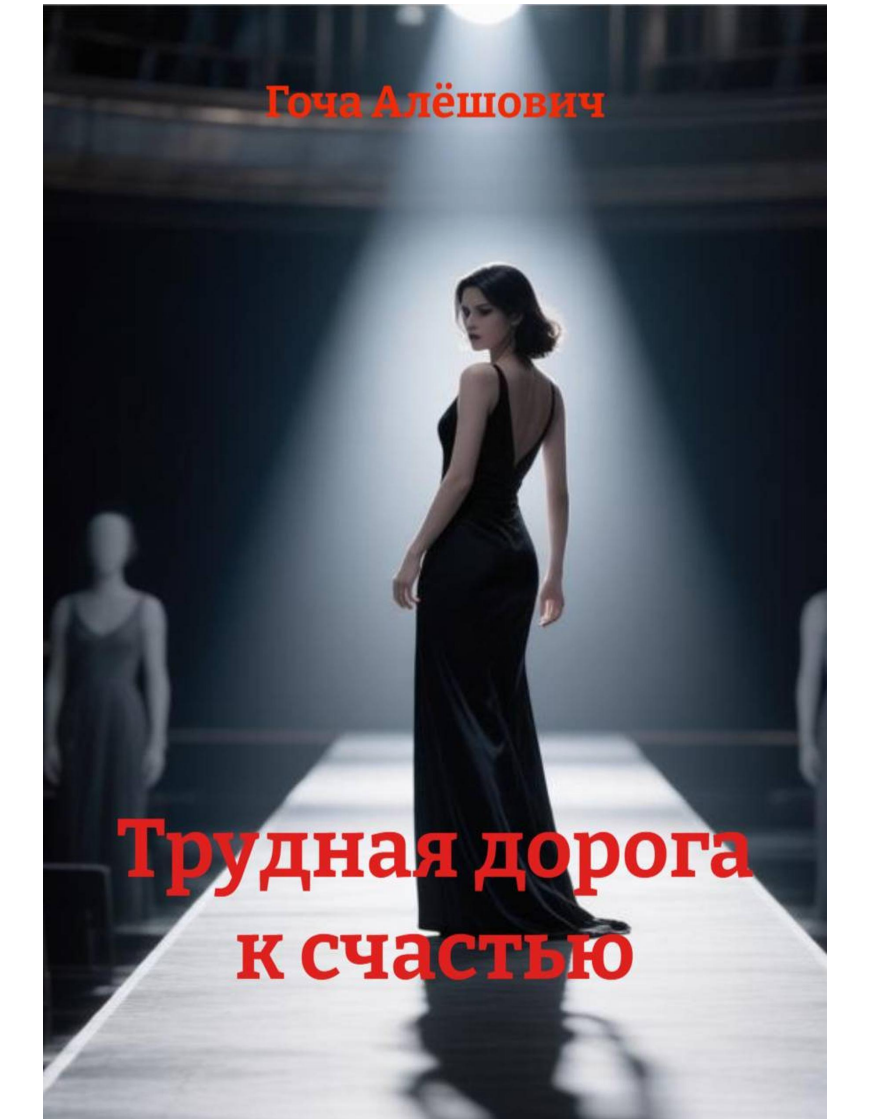


A woman with dark hair, wearing a long, black, backless dress, is walking away from the camera on a runway. She is looking back over her shoulder. The runway is illuminated by a bright spotlight from above, creating a strong contrast with the dark background. In the background, there are blurred figures of other models on the runway.

Гоча Алёшович

Трудная дорога
к счастью

Гоча Пасиешвили

Трудная дорога к счастью

<https://litres.ru/74052991>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Меня звали Вера Савельева» — так начинается книга, которую вы не сможете закрыть.

Сорок семь лет, три континента, два имени, одна жизнь. Она была моделью и уборщицей, женой миллионера и беглянкой, матерью и сиротой. Вера Савельева не искала лёгких путей — они сами её находили.

Когда к ней в дом приходит незнакомый писатель, она решает рассказать всё. От Савельевки до Манхэттена, от подвала в Бронксе до особняка в Коннектикуте. Без прикрас, без жалости. Честно до хруста в зубах.

Это история о том, как выживают женщины в мире, где их ценят только за тело. О том, что настоящее счастье — не награда, а выбор. И о том, что иногда, чтобы обрести себя, нужно сначала потерять всё.

Для поклонников Кристин Ханна, Фредрика Бакмана и Донны Тартт. Книга, после которой вы по-другому посмотрите на чужие улыбки.

Содержание

Глава 1. Приземление.	4
Глава 2. Американский газон	8
Глава 3. Американский футбол	13
Глава 4. Дом на краю света	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Трудная дорога к счастью

Глава 1. Приземление.

Аэропорт Джона Кеннеди встретил Алексея не шумом, а запахом. Запах был главным врагом. В Белгороде пахло листвой, влажной землёй после дождя и пирожками с утолка. Здесь — озоном кондиционеров, жареным луком из «Burger King» и чем-то химическим, сладковатым, чем пропитывают ковры, чтобы никто не догадался, что десять тысяч человек только что прошли паспортный контроль.

Он стоял у ленты получения багажа и чувствовал себя таксистом, которого высадили в декорациях к «Трансформерам». Вокруг носились люди. Все куда-то бежали, что-то жевали на ходу, говорили в телефоны громче, чем нужно, и улыбались. Не просто улыбались — сияли тридцатью двумя зубами, каждый из которых стоил как его бывшая «Лада Гранта».

Господи, — подумал Алексей, вдыхая приторный воздух. — *И как здесь люди не задыхаются?*

Он поправил ремень сумки — старой, кожаной, ещё студенческой — и сделал шаг. В Белгороде он привык, что пространство тебя обнимает. Здесь пространство давило. Огромные потолки, эскалаторы, уходящие в никуда, жидкокристаллические табло, на которых даже рейс на Бали вы-

глядел буднично, как рейс до Курска.

Алексей уехал из Белгорода несколько дней назад. Ему было тридцать семь, он написал две книги, которые заметили, но не покупали, преподавал в универе, а потом вдруг понял, что задыхается. Не от войны, не от политики — от отсутствия горизонта. Белгород слишком изменился, он стал фронтовым городом. Городом, где все друг друга знают, где сплетни ползут быстрее, чем интернет, и где писатель — это диагноз.

«Поеду, посмотрю на мир», — сказал он тогда друзьям. На самом деле он просто хотел выдохнуть.

Майк ждал у выхода. Алексей узнал его по походке — мягкой, вразвалочку, как у медведя, который съел банку меда и теперь никуда не спешит. Они не виделись несколько лет. Майк, или Мишка по-русски, уехал ещё в середине нулевых, сразу после университета. Сначала работал в такси, потом открыл автомастерскую, потом разбогател. Теперь он стоял в полосатом поло, с часами на толстом запястье и лысеющей макушкой, сияя той самой американской улыбкой.

— Алекс! — Майк обнял так, что хрустнули рёбра. — Как ты, братан? Живой?

— Живее всех живых, — просипел Алексей. — Ты как борец сумо, ей-богу.

— Американская еда, бро. Она не уходит, только растёт. В машине было тихо. Слишком тихо. Электрический пикап Майка бесшумно выруливал на шоссе, и эта тишина ка-

залась Алексею неестественной. В Белгороде его старенький «Форд» урчал, чихал, разговаривал с ним. А здесь машина молчала, как рыба.

— Ты надолго? — спросил Майк, косясь на навигатор.

— На неделю. Может, на две. Как пойдёт.

— Всё пишешь?

Алексей помолчал. За окном проплывала Америка — не та, что в кино, а настоящая: бесконечные стоянки с огромными внедорожниками, билборды, где рекламируют адвокатов по разводам, один за другим ухоженные газоны. В Белгороде газоны были красивые до войны, и никого это не волновало.

— Пишу, — ответил Алексей. — Третью книгу. Дописал до середины и встал.

— Как это — встал?

— А никак. Сел, посмотрел на экран и понял, что всё, что я написал, — фальшивка. Бумажная жизнь. Подумал: какой белгородец будет читать про белгородца, который страдает в Америке? Кому это надо?

Майк хмыкнул.

— А ты не думай про читателя. Ты пиши правду.

— Правда? — Алексей усмехнулся. — Ты знаешь, как у нас сейчас с правдой? Я хочу писать про жизнь. А жизнь, Майк, она как твои американские стейки: с виду красиво, а внутри — кровавое месиво.



Глава 2. Американский газон

Майк свернул с шоссе, и мир за окном изменился. Вместо бесконечных парковок и билбордов появились деревья. Высокие, старые дубы росли вдоль дороги, а за ними открылись аккуратные домики с верандами. Все как один — с белыми заборами и флагами у крыльца. В Белгороде раньше флаги вешали только чиновники к 9 Мая. А теперь стало патриотично и у нас.

— Добро пожаловать в Садл-Ривер, — сказал Майк с иронией. — Лучший пригород Нью-Джерси по версии кого-то там.

— Похоже на декорации к «Шоу Трумана», — заметил Алексей.

— Ты не первый, кто это говорит.

Дом Майка оказался чуть больше соседних: двухэтажный, с тремя гаражами и лужайкой, за которой ухаживал профессиональный садовник — Майк признался об этом с гордостью, как будто садовник был его личным достижением.

Лена открыла дверь до того, как они успели позвонить. Стройная, темноволосая, с короткой стрижкой. Она улыбалась вежливой улыбкой человека, который привык встречать гостей, но не привык их впускать в душу.

— Алексей! — сказала она с легким акцентом. — Наконец-то. Майк вас задержал в пробках?

— Мы разговаривали, — ответил Майк, целуя её в щеку.

Лена провела Алексея в гостиную. Бежевый диван, бежевые стены, бежевый ковер. На журнальном столике — свежие цветы. На каминной полке — фотографии: Майк с Джейком на рыбалке, Майк и Лена на какой-то вечеринке, Джейк с кубком. Ни одного снимка из прошлой жизни. Ни одной русской книги на полках — только глянец и кофейные столики.

«Переехали, — подумал Алексей. — Не просто страну поменяли. Память поменяли».

— Чай? Кофе? — спросила Лена.

— Кофе, если можно.

Пока она возилась на кухне, Алексей подошел к окну. Из него открывался вид на задний двор: бассейн, мангал, зона барбекю, детские качели, которые давно никто не качал. В Белгороде у него была лоджия, выходящая на цементный завод. Контраст был таким сильным, что хотелось засмеяться или заплакать.

— Леха, садись, — позвал Майк, хлопнув по дивану. — Рассказывай. Как там матушка-Россия поживает?

Алексей сел. Кофе оказался горьким, как американские шутки про политику.

— Жизнь, — он сделал глоток. — Жизнь как жизнь. Два романа, ни одного бестселлера. Преподаю в универе — студенты не читают, они смотрят лекции на полтора ускорении. В редакциях говорят: «Талант есть, но нет хайпа». А хайп,

Майк, это когда ты скандалишь или умираешь.

— Мрачно ты.

— Я писатель. Мы все мрачные. — Алексей поставил чашку. — А ты? Как ты из таксиста в короли жизни выбился?

Майк усмехнулся, потер шею.

— Никаких королей, бро. Просто работал как лошадь. Сначала такси — по ночам развозил пьяных студентов. Потом мастерскую открыл — чинил американское барахло. Потом понял, что на чужих машинах не разбогатеешь, купил два грузовика, начал возить стройматериалы. А потом, — он развел руками, — потом Лена сказала: «Или ты останавливаешься, или я ухожу». И я остановился.

— И не жалеешь?

— Иногда. — Майк посмотрел на кухню, где Лена мыла чашки, и понизил голос: — Иногда хочется послать все к черту и уехать в домой в Россию. Но потом вижу Джейка, и эта дурь проходит.

— А Джейк знает про Россию?

— Знает, что мы оттуда. Язык не учил — Лена была против. Говорила, зачем ему чужой язык, он американец. — Майк вздохнул. — Может, и правильно.

Алексей хотел спросить про Лену — почему она так старательно отрешивается от прошлого, — но не успел. Сверху послышались тяжелые шаги, и на лестнице появился Джейк.

Вблизи парень оказался еще крупнее, чем на фотографиях. Широкие плечи, мощная шея, руки как бревна. При этом

лицо совсем мальчишеское — с пушком над губой и растерянными голубыми глазами.

— Привет, — сказал он по-английски. — Вы, наверное, Алекс?

— Он самый, — ответил Алексей на русском, но тут же спохватился: — Извини, ты говоришь по-русски?

Джейк неловко улыбнулся.

— Маленький. «Привет», «пока», «спасибо». Мама не учила. Папа вечно на работе.

— Зато ты говоришь на языке футбола, — сказал Майк, вставая. — У тебя сегодня игра, забыл?

— Не забыл. Я готов.

Глаза у Джейка загорелись. Он смотрел на отца с такой надеждой, что Алексею стало не по себе. Сын ждал похвалы. Отец ждал, когда сын станет мужчиной. Никто из них не знал, что делать в промежутке.

— Я поеду с вами, — сказал Алексей. — Люблю смотреть на чужой спорт.



Глава 3. Американский футбол

Школьный стадион назывался «Мемориал Филд». Он был размером с футбольное поле в Лужниках, но с трибунами на пятьсот человек, с табло, которое показывало повторы, и с комментатором, который вещал на весь район.

Алексей сел на холодную алюминиевую скамейку и завернулся в куртку. Октябрь в Нью-Джерси оказался сырым и противным — не как в Белгороде, где в это время уже падал первый снег и можно было дышать свежим морозным воздухом. Здесь воздух лип к коже.

Игра началась с гимна. Американец в ковбойской шляпе пел про звёздно-полосатый флаг, и все вокруг подняли руки к сердцу. Алексей не поднял. Он вообще не понимал этого ритуала — когда любовь к стране превращают в религию.

— У нас так только на параде бывает, — пробормотал он.

— Не бухти, — ответил Майк, не глядя. — Здесь так принято.

Команды выбежали на поле. Синие — «Рэйдерс» (Джейк, Алексей узнал его по номеру 12), белые — «Пантерз». Свисток — и началась каша.

Алексей пытался вникнуть. Мяч уходит одному парню, тот бросает его другому, кто-то падает, свисток, мяч у другой команды, снова бросок, кто-то бежит, сталкивается, летит на землю. В какой-то момент он перестал понимать, кто

за кого, и просто смотрел на беготню, как на муравейник.

«У них в каждом виде спорта война, — подумал он. — Хоккей — драка на льду. Баскетбол — толкотня под кольцом. Футбол — полный контакт. Они не играют — они быются».

Но публике нравилось. Трибуны орали при каждом пасе, свистели при каждом фоле, хлопали при каждом тачдауне. Родители приносили плакаты с именами сыновей. Бабушки кричали «Go, Джейк!». Атмосфера была такой, будто решался исход войны.

К концу третьей четверти «Рэйдерс» вели 17–10. Джейк сделал два тачдауна — Алексей наконец запомнил это слово — и выглядел героем. Ему подносили воду, похлопывали по плечу, тренер шептал что-то в ухо.

— Он у тебя звезда, — сказал Алексей.

— Знаю, — ответил Майк, и голос его дрогнул. — Знаю, Леха. Боюсь только, звездная болезнь лечится только одним — падением.

После игры Алексею захотелось в душ и под одеяло. Но Майк сказал: «Постоим, он сейчас выйдет», и они остались у забора, где толпились такие же родители с довольными лицами.

Джейк вышел через десять минут. Без шлема, с мокрыми волосами, в расстегнутой форме. Он улыбался во весь рот.

— Пап! — он обнял Майка. — Ты видел тот пас? Сорок ярдов, на ходу!

— Видел, сынок. Ты молодец.

— А это кто? — Джейк посмотрел на Алексея.

— Дядя Лёша из Белгорода, — представил Майк. — Писатель.

— О, — Джейк протянул руку. Крепкое, уверенное рукопожатие. — Пап о вас рассказывал. Вы про войну пишете сейчас?

— Про жизнь, — ответил Алексей. — Война — это только часть жизни.

Джейк хотел что-то спросить, но отвлекся на кого-то за спиной Алексея.

— Ника! — крикнул он. — Иди сюда!

Алексей обернулся.

Девушка шла по газону медленно, как будто нехотя. Темные волосы собраны в пучок, тонкая серая толстовка, джинсы с дыркой на колене. На фоне разодетых болельщиц в брендовых куртках и с сумочками через плечо она выглядела как уличная музыкантша, случайно забредшая на балет.

Но глаза... Голубые, и белозубая улыбка. Они смотрели настороженно, из-под полуопущенных век.

— Привет, — сказала она Джейку. — Хорошая игра.

— Спасибо. — Джейк заулыбался шире. — Это папин друг, Алекс. Из России.

Ника перевела взгляд на Алексея. И вдруг — на секунду — в её глазах промелькнуло что-то вроде интереса. Или узнавания. Она быстро скользнула взглядом по его лицу,

куртке, старой сумке, которую он не выпускал из рук.

— Привет, — сказала она по-английски. — Вы из...?

— Из Белгорода, это в России, — повторил Алексей.

Она кивнула. И, поворачиваясь от Алексея, тихо, почти шепотом, добавила по-русски:

— *Я домой. Приятно было познакомиться.*

Алексей вздрогнул, как от удара.

Русский. Настоящий, чистый, без акцента, с этим особым «приятно», которое не перепутаешь ни с чем. Девушка, родившаяся в Америке, говорит по-русски так, как говорят те, кто впитал язык с молоком матери.

Он посмотрел на Майка. Майк отвел глаза.

— Ника, — вдруг сказал Майк по-русски. — Мы с Алексеем хотим навестить твою маму. Можно сегодня?

Девушка замерла. Пучок волос качнулся, как маятник.

— Зачем? — спросила она настороженно.

— Поговорить. Алексей — писатель. Я хочу их познакомиться.

— Мама не рассказывает истории. Она живет прошлым.

— Тогда, может, пришло время рассказать?

Ника посмотрела Алексею прямо в глаза. В её взгляде не было детской наивности — только холодная, взрослая оценка.

— Вы не похожи на журналиста, — сказала она. — Журналисты пахнут деньгами. А вы пахнете... — она на секунду замолчала, — травой.

— В Белгороде всегда пахнет травой и деревьями, — ответил Алексей.

Ника развернулась.

— Ладно. Я спрошу. Ждите здесь.

И она ушла — легкая, почти невесомая. В темноте её серая толстовка растворилась быстрее, чем Алексей успел моргнуть. Она говорила по телефону.

Майк шумно выдохнул.

— Ну что, писатель, — сказал он, хлопая Алексея по плечу. — Ты хотел правду. Похоже, она идет к тебе сама.

Алексей молчал. В ушах всё еще звучало «приятно было познакомиться» — простое, русское, родное. В этой фразе было больше смысла, чем во всем, что он написал за последние три года.



Глава 4. Дом на краю света

Ника вернулась через пять минут. За это время октябрьский воздух, казалось, выстудил из Алексея всё тепло. Он стоял у забора, вглядываясь в темноту, где исчезла девушка, и чувствовал себя охотником, который случайно вышел на след зверя, о существовании которого раньше только читал в легендах.

— Она согласна, — сказала Ника, появившись из тени так же бесшумно, как и ушла. — Но мама не любит гостей. И она не любит говорить о прошлом.

— Мы не задержимся, — быстро сказал Майк. — Просто поздороваемся.

Ника ничего не ответила. Она просто развернулась и пошла к парковке. Её походка была уверенной и быстрой. Майк и Алексей переглянулись и поспешили за ней.

Они сели в пикап. Майк сел за руль, Ника — на переднее пассажирское сиденье, а Алексей снова оказался сзади, в звенящей тишине. Он чувствовал себя лишним в этой машине, лишним в этой истории.

Ехали молча. Ника указывала дорогу короткими фразами: «Налево», «Прямо», «У знака стоп поверните направо». Они покинули уютный пригород Садл-Ривер и углубились в лесистую местность. Фары пикапа выхватывали из темноты стволы деревьев и густые заросли кустарника.

— Здесь раньше был летний лагерь, — вдруг нарушила тишину Ника. — До того, как всё застроили элитными домами.

— Красиво, — сказал Алексей, глядя на проплывающий мимо лес.

— Это не для красоты. Это чтобы не видеть соседей.

Наконец машина выехала на небольшую поляну. Дом стоял на самом краю обрыва. Это было не типичное американское ранчо и не уютный коттедж из пригорода. Это было что-то другое: массивное строение из темного дерева и стекла, словно выросшее из скалы. Он выглядел одновременно и как крепость, и как ловушка.

— Приехали, — сказала Ника и вышла из машины.

Внутри пахло иначе. Не озоном кондиционеров и химией ковров, как в аэропорту или у Майка. Здесь пахло деревом, немного сыростью от близкого леса и чем-то еще... старым пергаментом или сухими травами.

Они прошли через огромный холл с панорамным окном во всю стену, за которым чернела бездна леса. Ни одной лишней вещи. Минимализм, доведенный до абсолюта. Ни семейных фотографий на стенах, ни милых безделушек. Только чистота и холодная геометрия пространства.

Ника провела их в гостиную. Там, в глубоком кожаном кресле у камина (в котором не горел огонь), сидела женщина.

Она была одета в простое черное платье. Волосы были собраны в строгий узел на затылке. Она читала книгу и даже не

подняла головы, когда они вошли. В руках у неё был томик в потертом переплете — Алексей успел заметить кириллицу на корешке.

— Мама, — тихо позвала Ника.

Женщина медленно отложила книгу на столик рядом с креслом и только тогда подняла взгляд. У неё были те же глаза, что и у дочери — голубые, почти аквамарин на белом лице. Но если во взгляде Ники читалась настороженность и вызов, то в глазах её матери была абсолютная, ледяная пустота.

— Здравствуй, — сказала она по-русски. Голос был тихим, но очень четким. В нём не было ни удивления, ни радости.

Майк вздрогнул и сжал кулаки.

— Привет... Вера.

— Это Алексей, мой друг из России, — продолжил Майк уже по-английски, видимо, забывшись от напряжения. — Он писатель.

Вера посмотрела на Алексея так, будто он был предметом мебели. Она изучала его несколько секунд с полным безразличием.

— Зачем ты привез его сюда? — спросила она по-русски.

— Я... я хотел познакомить вас. Он мой друг.

В комнате повисла тяжелая тишина. Алексей понял: если он сейчас ничего не скажет, их просто выставят за дверь. Он сделал шаг вперед.

— Простите за вторжение, Вера... э-э... — он запнулся на имени.

— Просто Вера.

— Хорошо. Вера. Я действительно писатель. И я ищу правду, не для хайпа или скандала. Я ищу её для себя. Я застрял со своей книгой в середине сюжета, потому что понял: я пишу о картонных людях в картонном мире. А потом я встретил вашу дочь на стадионе. И я услышал её русский язык.

Вера впервые моргнула. Ледяная корка в её глазах чуть дрогнула.

— Русский язык? И что же?

— Он был настоящим. Не тем языком эмигрантов из Бруклина или Брайтон-Бич. Это был язык человека, который помнит запах мокрого асфальта после дождя в России. Я подумал: кто-то должен был научить её так говорить? Кто-то должен был сохранить это в ней?

Вера долго молчала, глядя на Алексея. В камине вдруг что-то щелкнуло — сработала автоматика подачи газа, но пламя не зажглось.

— Ты думаешь, это история для книги? — наконец произнесла она очень медленно. — История Золушки? Бедной девочки из русской глубинки?

Алексей покачал головой.

— Я так не думаю. Я вижу ваши глаза. Вы смотрите на этот мир так же, как я сейчас: как на чужую планету. Вы не

Золушка. Вы... вы выжившая.

Что-то изменилось в лице Веры. Пустота сменилась чем-то иным — глубокой, застарелой болью и усталостью человека, который слишком долго нес свой крест в одиночку.

Она перевела взгляд на Майка.

— Ты что-то рассказал ему?

Майк опустил голову.

— Нет. Я... я решил, что ты начнешь с чистого листа.

Вера горько усмехнулась.

— Чистый лист... Его не существует для таких, как я.

Она жестом указала на диван.

— Садитесь. Если вы хотите правду... вы её получите. Но это будет история не о подиуме и журналах. Это будет история о том, как девочка из деревни продала душу дьяволу за билет в один конец. И поверьте мне... это очень дорогая поездка.

Она посмотрела прямо на Алексея.

— Ты уверен, что хочешь это знать? Иногда правда выжигает всё вокруг себя дотла. И ты уже никогда не сможешь написать ту фальшивку про русского в Америке, с которой ты сюда приехал.

Алексей сглотнул комок в горле и кивнул.

— Я готов слушать правду. Какой бы она ни была.

Вера закрыла глаза на мгновение, словно собираясь с силами для прыжка в ледяную воду. А когда она их открыла, Алексей увидел перед собой не просто уставшую женщину, а

человека с историей настолько невероятной и страшной, что она могла бы сломать любого другого.

Она начала говорить:

— Меня звали Вера Савельева...

Глава 4. Девочка из Савельевки

Меня звали Вера Савельева.

Эти три слова повисли в воздухе, как приговор. Вера сидела в кресле, выпрямив спину, и смотрела куда-то сквозь Алексея — в ту самую пустоту, которую он заметил в её глазах на стадионе.

— Савельевка, — повторила она, пробуя вкус на языке. — Рязанская область. Сто сорок домов, магазин, клуб и вечно пьяный тракторист дядя Витя. Две улицы: Центральная и Набережная. Набережная — это громко сказано, там ручей, который летом пересыхает.

Алексей сидел на диване. Майк плюхнулся рядом с ним — тяжело, как мешок с песком. Ника ушла к себе в комнату.

— Отец работал на ферме, — продолжала Вера. — Мать — в сельпо. Жили мы... не бедно, но всё время казалось, что вот-вот станет ещё хуже. Знаете это чувство? Когда ждёшь не праздника, а беды, потому что беда приходит чаще.

Она помолчала.

— Мне было четырнадцать, когда в Савельевку приехала женщина из Москвы. Как её звали — не помню. Какая-то Лена или Света. Она искала «лица для рекламы». Объезжала деревни, потому что в городах уже всех разобрали. И вы-

брала меня. Высокая, худая, скулы острые — как раз то, что нужно для голодного времени.

Вера усмехнулась — безрадостно, одними уголками губ.

— Мать плакала. Отец сказал: «Поезжай, авось не пропадёшь». Он всегда так говорил: авось. Русское «авось» — это молитва и проклятие одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.